Онегинский тип героя: литературная эволюция

Тезис, согласно которому Пушкиным в «Евгении Онегине» задана модель русского классического романа и, в частности, особый тип героя, является общепринятым. Восприятие «Евгения Онегина» как точки отсчета русской романной традиции восходит еще к Достоевскому, который не случайно ставит пушкинского героя на «родоначальное место».

Собственно задачей диссертации и должен стать анализ традиции, связующей целую вереницу героев, которая начинается не с самого Онегина, заимствующего определенные черты у героев Байрона, Метьюрина, Бенжамена Констана, Шатобриана, Шарля Нодье. Пушкинский роман служит опосредующим звеном между более ранней европейской и позднейшей русской художественной традицией. Литературный генезис «Евгения Онегина» изучен достаточно подробно, однако исследования, в которых хотя бы частично прослежена дальнейшая линия преемственности, единичны. Этим и определяется актуальность поставленной задачи.

Введение в диссертацию обычно предполагает обзор исследовательской литературы. В связи с моей темой его, по-видимому, лучше всего посвятить изученным проблемам литературного генезиса пушкинского героя и вариантам его воплощения в творчестве самого Пушкина.

В первой главе речь должна идти непосредственно об Онегине и о ранних вариациях этого типа героя – прежде всего в творчестве Лермонтова.

Обычно присущая пушкинскому герою характеристика его как байронического демонического типа, как героя рефлексирующего, разочарованного, охлажденного, пресыщенного, скучающего обобщает качества, присущие целому ряду героев русской классики, но, как всякое широкое обобщение, упускает из виду, что речь, строго говоря, должна идти *не об одном, а о двух типах героев*. Этот факт становится очевидным, если рассмотрение русской романной традиции начинать не с Пушкина, а с тех европейских образцов, на которые ориентирован «Евгений Онегин». Один тип –демонический, представленный героями восточных поэм Байрона, Мельмотом Скитальцем, Жаном Сбогаром. Другой тип, восходящий к Рене, Адольфу, Чайльд Гарольду – герои пассивные, разочарованные, скучающие. У Пушкина намечена попытка соединения этих двух типов, иллюзия исходного единства которых возникла в результате их решительного совмещения в творчестве Лермонтова. В позднейшей русской традиции доминирующей становилась то одна возможность, то другая – и лишь изредка их черты вновь совмещались.

Вторую главу хотелось бы посвятить воплощению онегинского типа в литературе второй половины XIX в. - прежде всего в произведениях Тургенева, Гончарова и Достоевского.

Наследующие Онегину тургеневские герои, как правило, не имеют в характере демонической составляющей и представляют пассивный тип героя, при изображении которого Тургенев обращается не только непосредственно к Пушкину, но и к питавшей его традиции, например, к Бенжамену Констану при создании образов Рудина и Лаврецкого. В то же время в историю Инсарова Тургенев вводит детали, характерные для сюжетов, в которых участвуют демонические герои.

Особый интерес представляет роман Гончарова «Обрыв», где два типа героев, соединенные у Лермонтова, Достоевского и Андрея Белого, даны в их отдельности и даже противопоставленности. Речь идет о Райском и Волохове. Сам онегинский тип оказывается вновь расщеплен на те две составляющие, которые были заложены в его генезисе.

В третьей главе мне хотелось бы обратиться к литературе XX в. Здесь я вижу три центральных фигуры. Это Николай Аблеухов Андрея Белого, в котором представлено гротескное преломление печоринской линии. Это Демон Вин в «Аде» Набокова -

пародийный персонаж, относящийся к «родительскому» поколению и наследующий свои черты и от Онегина, и от лермонтовского Демона. Это, наконец, главный герой романа А. Г. Битова «Улетающий Монахов», изображенный писателем как представитель «своего» поколения, наследующий «онегинские» четы. Очерченный круг героев и произведений, разумеется, может быть и должен быть расширен. На данном этапе я могу представить лишь генеральную линию. Но к анализу хотелось бы обязательно привлечь и произведения «второго ряда», возможно - пародии. Этот материал, однако, мне еще предстоит отобрать.